

ФІЛОСОФІЯ

УДК 111.1

В. Б. Окороков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЗАПАДНЫЙ ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ МЫСЛИ (РОДОВАЯ ТЕХНИКА А. БАДЬЮ)

Аналізується європейський шлях становлення філософії та культури в контексті родових процедур А. Бадью.

Ключові слова: європейський шлях, істина, політика, філософія.

Анализируется европейский путь становления философии и культуры в контексте родовых процедур А. Бадью.

Ключевые слова: европейский путь, истина, политика, философия.

European way of becoming of philosophy and culture to a context of the patrimonial procedure of a Badiou is analyzed.

Keywords: the European way, true, politics, philosophy.

В области построения архитектоники человеческого знания (в транскрипции М. Фуко – генеалогии знания) бывают периоды полной неопределенности, неустойчивости и нестабильности, когда карты социальности настолько стерты и затупеваны, что целые эпохи размываются на исторической шкале человечества. Обычно им предшествует «осевое время», концептуальный аппарат которого разработан К. Ясперсом. Это время глобальных онто-гносеологических подвижек, взрывающих мерное течение истории. К. Ясперс точно указал первую известную в видимой истории взрывную волну, радикально изменившую гносеологическую карту мира и приведшую к слову или значительной трансформации религиозно-мифологического мировоззрения VI в. до н. э. В это время и были конституированы основные карты социальности, сформировавшие мощные потоки генерации духовной энергии в определенных географических зонах и перекроившие историко-географический ландшафт. Они, с одной стороны, разместили зоны массовой религиозности (приведшие к формированию мировых религий) и, с другой, – обозначили область власти нового мистико-гносеологического идола – Логоса, в которой главным кумиром и целью поиска просвещенных людей становится абсолютное знание, присущее богам. Фактически, в первое «осевое время» было сконструировано две стратегии продвижения социума, два пути поиска абсолюта – духовный и эпистемологический. Вслед за формированием эпистемологической области бытия социума возникает антропологическая карта софистов, выявившая, прежде всего, полное разочарование в поисках абсолютного гносеологического начала бытия. Софисты первые обнаружили, что все человеческие пути к истине не являются релятивными. Их усилия лишь позволили раскрыть гносеологическую карту социальности посредством онтологических стратегий и путей познания. Онтологи сформировали гносеологические возможности (пути) продвижения разума, а софисты указали на онтологическую относительность таких эпистемологических путей (каждый из которых, по логике аристотеликов, должен заканчиваться наукой или версией философии). Если ориентировать на интерпретацию софистов, то путь Логоса – это путь вечного размножения эпистем (фейерабендовский путь пролиферации наук).

После окончательного формирования философской карты софистов (реализованной, прежде всего, Сократом, Платоном и Аристотелем) почти полторы тысячи лет продолжалась эпоха легитимизации небольшого числа «наук», про-

изводных от божественного начала. Позитивный путь разума, ведущий к размножению наук в бесконечном процессе познания и логично завершившийся позитивизмом, сформировал под воздействием вероисповедальных установок трансгрессивные тропы логоса при жестком превосходстве божественных наук (тривиума и квадравиума, в том числе логики и метафизики) – так сформировался призрак онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризма, обозначивший основные стратегии европейского пути развития. Как видно из вышесказанного, становление различного рода центризмов можно продолжить и дальше. Тем не менее, лишь в XVIII в. произошло обновление пути к знанию, точнее, объединение двух ранее расходящихся стратегий бытия человека. Трансцендентальный путь размечает движение по логическому пути, жестко регламентированному априорной (предразумной, доразумной или дорассудочной) областью познания, Кант обнаружил путь – трансгрессивный переход – от (априорной) области (принятия любой онтологии на веру) к логико-умозрительной области знания. Человек в такой схеме оказывается проводником между различными областями бытия (от мифологической и религиозной к логосной). В такой философии обнаруживается скрытое формирование новой неклассического пути развития. По мнению ряда аналитиков, после Канта гносеология буквально повторяет путь софистов на новом (антропологическом) уровне стратегии развития. Первая античная гносеология сместила акцент исследования бытия в направлении человека, вторая (неклассическая) – обнаружила фрагментарность и раздробленность бытия человека; ситуационность и трансгрессивность путей его существования.

Европейский путь развития – видимый разуму (логосу) путь поиска истин. Поскольку обнаружилось множество истин, то и путей, по которым развивалась европейская культура, достаточно много. Однако логосный характер этих путей оказался настолько приоритетным, что заслонил все остальные возможности становления человека. М. Хайдеггер подчеркивал, что европейская философская традиция, направленная на логос, фактически закрыла путь к фундаментальной онтологии познания бытия. Лишь в неклассической культуре обнаружилось, что европейский путь, опирающийся на традицию, выбирает своим ориентиром прошлое. Полное разочарование в прошлом сформировало всеобщий пессимизм и нигилизм. Так, с одной стороны, путь наук привел к развитию эмпирических способностей, с другой – отстранил человека от возвышенных путей поиска духовности. В современных стратегиях обнаружилось сращивание научности и капитализма – образовалась своеобразная олигархическая научность, которую можно назвать не эпистемологией или эпистемократией, а эпистемо-капиталократией. Социализация троп научной капиталократии позволила построить виртуальную демократию (капитало-демократию), признаки которой описали Ж. Бодрийяр и А. Бадью (посредством критики устройства современного социального мира).

Так разразился кризис культуры, фактически знаменовавший собой ее неспособность справиться с возникшими философскими и социальными потрясениями. Кризис старой традиционной культуры – в ее неспособности осмыслить новые перемены в бытии общества. Философский мир оказался в преддверии софистической дилеммы: старые классические формы мышления уже не состоят в состоянии сформулировать сколько-нибудь продуктивные ответы на «ситуацию времени» (классические формы бытия культуры перестали генерировать социально значимые истины), в то же время новые формы мышления не могут справиться со все нарастающей массой противоречий (что воспринимается как ситуация, в которой генерация новых запросов значительно превосходит количество найденных ответов – истина иссякает как источник стабилизации культуры). Новый софизм (как и первый) стал генерировать бесчисленное множество релятивистских установок, выбраться из которых сам по себе он был не в состоянии. И точно так же, как и в античности, необходимо было искать радикальное решение, новый радикальный путь, способный стабилизировать расхождности и противоречия в мышлении. В Древней Греции ситуацию спасли Сократ, Платон и Аристотель, которые сформулировали три пути к истине – этический, философско-умозрительный и научный. За две тысячи лет становления европейского мышления эти три пути исчерпали себя в том смысле, что перестали генерировать необходимую силу для поддержания духовной энергии мысли.

В европейском духовном пространстве возникли два пути разрешения софистических проблем – привлечение энергии старых слоев европейской мысли, формирование новых мощных генераторов мысли. Но если второй путь пока ощутимых результатов не дал, то первый позволил разрешить некоторые задачи современности.

Наиболее ярким представителем первого пути становления европейской культуры является французский мыслитель А. Бадью, творчество которого, составляя часть постмодерной культуры, раскрыло новые возможности классического мышления. Являясь мыслителем современной культуры, которая пребывает в состоянии растерянности перед туманными перспективами неклассического (и постнеклассического) мышления, он стремился преодолеть его недостатки. В силу того, что дискуссионное поле творчества А. Бадью выходит за рамки общеизвестных представлений о философии, а сама дискуссия в культуре ведется на уровне размышлений о судьбах философии и мира, его социальная философия пересекается с фундаментальной метафизикой, антропологией, историей философии, что и приводит к специфике философского дискурса. Если встраивать такой подход в концептуальное поле философских размышлений А. Бадью над судьбой современного социального мира, что созвучно понятию «преодоление постмодернизма», то можно отстаивать мысль, что его творчество находится в теоретическом поле преодоления постмодерной философии.

Попытки выяснения того, какова цель проекта А. Бадью и куда ведет нас современная философия, не дают однозначного ответа. Сам французский философ этого не расшифровывает. Его размышления направлены на то, чтобы подвести теоретическую базу под современную ситуацию бытия общества и культуры.

Более того, философия А. Бадью находится в постоянном становлении; постоянно изменяется и контекстуальное поле его учения. Все большее и большее количество современных философов втягивается в полемическое пространство его философии.

Круг исследователей его творчества достаточно широк – С. Жижек, Ж.-Ф. Лиотар, П. Холлвард, Д. Белсайд, Н. Хьюлет, Ф. Неф, Ж. Рансьер, А. Салгано, А. Финкельраут и др. Они показали, что в своем произведении «Бытие и событие» он отождествляет онтологию с математикой и использует математическую формализацию онтологического дискурса для экстраонтологического исчисления «истин-событий». Такая формализация, согласно А. Бадью, с одной стороны, обращается к аппарату, очень успешно использованному многими философами Нового времени и пребывает в русле новоевропейской философской традиции, а с другой – с учетом значительного усложнения современного математического аппарата – находит принципиально новую технику для анализа событий бытия. В то же время, вооружившись деконструктивной критикой метафизической онтологии, А. Бадью предлагает антифеноменологическую концепцию онтологической презентации. В результате такой критики философский подход А. Бадью в книге «Бытие и событие» оказался размытым фундаментальным методологическим идеализмом, так как в его учении утрачивается связь между дискурсивной структурой математической онтологии и сверхдискурсивной реальностью.

Дань постмодернизму – поверхностное мышление – сказывается и на его социальной философии. Хотя сам А. Бадью стремится ответить на вопрос о том, что есть политическая жизнь общества, он придерживается радикальной политической позиции и оказался удивительно преданным маоизму. Марксизм в таком модифицированном виде оказался для него одним из примеров «политического шва», который скрестил два других шва (политический и научный).

Сама по себе философия как проводница честности теряет себя, если она перепоручает все мышление одной родовой процедуре, если она подшита только к ней (например, к политике). Философия существует на «швах» [1]. Прислушиваясь только к себе, классическая философия этого не замечала. Не лучше обстоит дело и с неклассической философией. По мнению А. Бадью, сначала она стремилась подшиться к позитивизму, затем – к искусству, главным образом, к поэзии (в лице М. Хайдеггера), когда же закончился век поэтов (поэма десакрализовалась), началось новое восхождение к истине (путь к истине теперь совпал с самой истиной). А. Бадью раскрыл четыре способа становления истины: революция, страсть, изобретение и творчество, и четыре соответствующих области нашего существо-

вания: политика, любовь, наука и искусство. В работах «Манифест философии» и «Бытие и событие» он показывает, что главной задачей философии является обеспечение возможностей указанных четырех областей деятельности. Поскольку, по его мнению, политика является основной родовой процедурой, философию нужно рассматривать сквозь призму общефилософских определений деятельности, и прежде всего политического. Разрабатывая способы существования философского и политического мышления, А. Бадью вводит основные концепты формирования политики: бытие, событие, истина, субъект.

В соответствии с новой философской процедурой в «Манифесте философии» французский мыслитель отстаивает программу «платонизма множества», а в последнем крупном произведении «Логика миров» (2006) – продолжении «Бытия и события» – сдвигает ракурс обзора с «бытия-события» к «миру-событию». Но и после этого во «Втором, манифесте философии» А. Бадью сохраняет верность платонизму, где он ставит два новых ориентира: критика демократии (в терминах капитало-парламентаризма) и верность платонизму множества, ориентированному на коммунистическую идею. Бытие множественного раскрывается в сознании субъекта в одном из четырех модусов, соответствующих четырем родовым процедурам. Согласно А. Бадью, истинные родовые процедуры бывают только в ситуациях, а всякая истина есть родовое подмножество, реализующее истину той ситуации, в которую оно включено.

Истина в его концепции является формой времени, по существу, множественности, истина – только произведение некоей множественности. В то же время язык (выступающий в постмодернизме под маской дискурса) уводит множественность от действительности и диктует ее нашему сознанию. Этот «догматический террор» А. Бадью терпеть не хочет. Поэтому он делает истину событийной.

Характер своих философских размышлений о современных политических событиях А. Бадью обозначает как метаполитика. Но в отличие от метаполитики политика, согласно его представлениям, сама по себе является мыслью (метаполитика не понимает политических событий). Однако у современной политической философии вполне определенное лицо – лицо буржуазного парламентаризма (а цена, которую нужно заплатить за такой дискуссионный плюрализм, – отрицание истины). Вот почему под маской современной политической философии встает образ античной софистики. Политика – это изобретение и использование абсолютно новой и конкретной (социальной) реальности.

Творчество А. Бадью, пронизанное социальной философией и политикой, связано в то же время с критикой современного проекта и его противоречий. По мнению А. Бадью, постмодернистские философы – это новые софисты (которые провозглашают условность не только частной, но и общей истины). А. Бадью принадлежит культуре модерна, а не постмодерна, в его лице классика еще не исчерпала себя. Возможное возрождение классики в лице А. Бадью есть свидетельство того, что классика себя еще не исчерпала, а вот закат постмодерна может оказаться вполне близким.

Исключенность – вот важное слово, которое А. Бадью применяет ко многим политическим и философским событиям. В его размышлениях любое исключение приобретает угрожающие формы тотального отчуждения. «Исключаемый» – вот имя того, кто не имеет имени. Исключенной оказывается и современная философия, если только она не обслуживает синтез нигилизмов (концептов, ориентированных на отчуждение). Такой одиночной и отчужденной, по сути, исключенной из дискурса современной культуры (не имеющей своего подлинного имени), оказываются как социальная философия, в частности, так и философия в целом. В этом месте, как для А. Бадью, так и для других современных философов, встает вопрос о спасении философии. Но, согласно Бадью, для своего спасения философия должна ориентироваться не на современные отчужденные формы социальной культуры, приводящие к массовости и обезличиванию (потере имени), а на родовые процедуры. Любая законная форма бытия и становления культуры должна иметь свою историю и обращаться к родовым классам множественности (иметь свое историческое имя). Современные обезличенные парламентские государства Запада, утратившие истину, являются государствами релятивными и скептическими. Они, как симулякры, самозамкнутые и подвешенные в пустоте духовные образования, как государства, которые дезориентированы види-

мостью демократии и в такой безразличной множественности утратившие подлинность бытия и истины. Утрата духовности и истинности есть начало пустоты, в таком беспочвенном состоянии (основанном на самодовлении лжи) ни одно государство долго существовать не может. Печальный опыт существования империй – тому подтверждение. Хотя М. Хардт и А. Негри пытались сформулировать представление об империи как единстве множественности [2]. Возможно, такой скрытый неоплатонизм, реанимирующий дух империи, и является спасением культуры, но это возможно только в том случае, если единство империи восходит к подлинной истине, а не к псевдореальности (симуляционности) современных обществ. И у А. Бадью, и у М. Хардта и А. Негри возврат к истине является подлинным условием обретения имени и преодоления «исключенности». Однако в обеих концепциях путь к истине затушеван их приверженностью к некоторым современным политическим событиям, подлинное «имя» которых еще не расшифровано (терроризм, маоизм и т. п.).

А. Бадью считает, что подлинная политика, восходящая к высшим потенциалам мысли (в отличие от государственной политики), является творческой. Политика, направленная на подлинные родовые процедуры, и государственная политика, сформированная властью и соответствующим правом, радикально отличаются. Власть конкретного права (например, конституции) имеет временные рамки. Если такая власть их игнорирует, то утрачивается подлинное имя власти, такое политическое образование утрачивает привязку к подлинной реальности и становится «исключенным». Дальнейший путь и судьба таких государств определяются степенью их симуляционности. Эта процедура похожа на ту, которую Шпенглер назвал «закат Европы». Политическая «симуляционность» Европы сродни биологическому старению. Для обновления и продолжения жизни необходимы новые процедуры, поиск новых путей, приближающих «вечного Левиафана» к социальной действительности (а не удаляющих от нее).

Выход, согласно А. Бадью, в усреднении. Государство, следуя «золотому пути» Конфуция, должно оставаться посередине. Право должно быть поставлено в центре политики, но ни в коем случае не исключено из нее. Политика, согласно А. Бадью, в своем чистом «родовом» виде всегда является подлинной. Представитель власти, следуя «родовым» процедурам, обречен на истину и правильную политику (у древних эта процедура называлась «закон предков»). На этом пути спасение философии, которая должна быть «подшитой» к подлинной политике, должно быть ориентировано на субъективные процессы истины, а не «призрачные фантомы» государства. Когда мысль замещает собой государство, прописывая это замещение в бытие, она формирует реальную политику. Выращенная бытием, мысль опирается на подлинные исторические корни, уводящие в прошлое, и несет в себе зерно подлинной мудрости (по мнению греков, именно в таком виде она «восходит» к богам).

Политика, переставшая быть субъективной («родовой») и опирающаяся только на право (как атрибут государственной власти), перестает генерировать истину, умирает и подчиняется государству, то есть превращается в псевдополитику (эту процедуру бытия современных государств А. Бадью назвал капиталопарламентаризмом).

Главное, что обнаруживается в позиции А. Бадью при построении теоретического знания, – это разрыв между бытием и событием. А так как любое событие предполагает субъективность, то пришло время вскрыть подлинные причины овнешнения (отчуждения) философии и выстроить путь верности подлинной философии (посредством возврата к родовым процедурам). Утрата субъекта (в постструктурализме «конец субъекта») ведет к самым негативным последствиям для культуры и общества, так как, по мнению А. Бадью, субъект является единственной ниточкой, связывающей современное общество с родовой мыслью. Разрыв этой нити равносителен смерти. Человек, как и общество, живет в поле диахронического (или родового) единства, утрата которого означает утрату истины и подключение к полю симулякров (псевдоформ существования), которые уводят от реальности (фактически же уводят от подлинной реальной жизни). Жизнь человека – это не только и не столько биологическое старение, это прежде всего существование в проекте «родовой» генерации бытия. В отсутствии механизмов, считывающих ритмы подлинной родовой генерации, человек умирает, исчерпав приливы ду-

ховной энергии прошлого. Подлинная философия должна формулировать сущность подлинного (истинного) превращения энергии прошлого в энергию будущего. Единственным источником такого преобразования является сам человек. В отсутствии механизмов мышления утрачивается память прошлого, а вместе с ней и энергия прошлого, ломается духовный генератор преобразования энергии прошлого в энергию будущего, то есть останавливается подлинный источник жизни. Человек земной может жить и формировать будущее только в пути (или на пути).

Библиографические ссылки

1. Бадью А. Манифест философии / А. Бадью. – СПб.: Machina, 2003. – 184 с.
2. Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.

Надійшла до редколегії 17.01.2012 р.

УДК 87.6

М. П. Бузский

*Волгоградский филиал Всероссийского заочного
финансово-экономического института (Россия)*

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ПРАКТИКИ XXI ВЕКА

Розкриваються причини та прояви неадекватності сучасних форм стихійної, техногенно орієнтованої практики, яка формує негативні умови для розвитку людини та культури, а також обґрунтовується ідея формування культурно-гуманістичної спрямованості практики суспільства доби глобалізації, яка розвиває «випереджаюче» виробництво гуманістичного виміру людини. Стаття може бути цікавою для викладачів суспільних наук, аспірантів та студентів, а також інших, хто вивчає гуманітарні та суспільні науки.

Ключові слова: гуманізм, практика, глобалізація, культура, міра людського, суб'єктивність, соціальна синергетика.

Раскрываются причины и проявления неадекватности современных форм стихийной, техногенно ориентированной практики, которая формирует негативные условия для развития человека и культуры, и обосновывается идея формирования культурно-гуманистической направленности практики общества эпохи глобализации, в которой основой становится опережающее «производство» гуманистического измерения человека. Статья может представлять интерес для преподавателей общественных наук, аспирантов и студентов, всех, кто специализируется в сфере гуманитарных и общественных дисциплин.

Ключевые слова: гуманизм, практика, глобализация, культура, мера человеческого, субъективность, социальная синергетика.

The article reveals causes and wrong forms of modern, spontaneous, technologically orientated practice, which produces negative conditions for the development of a man and a culture. Here also is proved the idea of emerging a such cultural and humanistic direction of the modern society's practice, which develops outstripped production humanistic dimension of a man. The article can be interesting for the teachers of social sciences, candidates and students, all who study humanitarian and social sciences.

Keywords: humanism, practice, globalization, culture, a measure human, subjectivity, social synergetics.

Важным условием устойчивого развития общества в эпоху глобализации является такая «корректировка» форм практической деятельности, которая предполагает возможность максимального полного освоения все более сложной реальности и одновременно – дальнейшую гуманизацию общественных отношений и развитие личности. В истории общества смена общественных форм практики происхо-